

№ 242

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ

№ 242

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ, СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕНСТЪ.

РЕДАКЦІЯ: Екатерининскій кан., 31.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

КОНТОРА: Екатерининскій кан., 31.

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ
И РЕДАКЦІИ
ГАЗЕТЫ

ПЕТЕРБУРГ. ЛИСТОКЪ
943.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ 1902 Г.	На 12 мѣсц.	На 11 мѣсц.	На 10 мѣсц.	На 9 мѣсц.	На 8 мѣсц.	На 7 мѣсц.	На 6 мѣсц.	На 5 мѣсц.	На 4 мѣсц.	На 3 мѣсц.	На 2 мѣсц.	На 1 мѣсц.
Безъ доставки	7 руб. 50 к.	7 руб. — к.	6 руб. 50 к.	6 руб. — к.	5 руб. 50 к.	5 руб. — к.	4 руб. 30 к.	3 руб. 50 к.	2 руб. 90 к.	2 руб. 30 к.	1 руб. 50 к.	— руб. 90 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургъ	9 — —	8 — 50.	8 — —	7 — 50.	7 — —	6 — 40.	5 — 50.	4 — 60.	3 — 70.	2 — 80.	1 — 30.	1 — —
Съ пересылкой въ другіе города	10 — —	9 — 50.	9 — —	8 — 50.	8 — —	7 — —	6 — —	5 — —	4 — —	3 — 30.	2 — 30.	1 — 30.
Съ пересылкою за границу	15 — —	14 — —	13 — —	12 — —	11 — —	9 — 90.	8 — 70.	7 — 20.	6 — 40.	5 — 10.	3 — 80.	2 — 60.

ТЕЛЕФОНЪ редактора
ГАЗЕТЫ
ПЕТЕРБУРГ. ЛИСТОКЪ
937.

ОТЪ КОНТОРЫ: Для гг. служащихъ допускается разсрочная подписка чрезъ казначействъ при разносѣхъ укладъ головной пошриной
вмѣстѣ въ мѣсяцъ впередъ, разсроченные по соглашенію платятъ—городские при подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ Юля 3 р. 50 к., многогородіе при
подпискѣ 6 р. въ концѣ Юля 4 р. 50 к. Контора открыта съ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: Статьи для помѣщенія въ газетѣ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара
При неисполненіи перваго условія статьи напечатаны не будутъ, а втораго условія—онѣ считаются безплатными. Статьи, неудобныя къ печати
удачежають. Объявленія въ редакціи или съ однимъ изъ членовъ редакціи—ежедневно отъ 2 до 4 час. пополудни.

Многіе господа чувствуютъ себя въ Сентябѣ, какъ нельзя быть лучше.

Напримѣръ, книгопродавцы.

Попробуйте зайти къ нимъ въ настоящее время.

Негдѣ яблоку упасть.

До того велико требованіе на книги.

Въ спросѣ главнымъ образомъ учебники, которые представляютъ собою совершенно особый видъ ренты, получаемой всевозможными составителями пособій для учащагося юношества.

Надвѣхъ встрѣчаю извѣстнаго писателя, чьи романы читаются русскою публикою нарасхватъ, а драматическія произведенія служатъ всеякаемой темой для разговоровъ.

— Чѣмъ подарите насъ къ новому году?—спрашиваю. — Удовлетворите законное любопытство, сообщите названіе новаго романа.

Тотъ насупился.

— Ничѣмъ... Никакого романа я не пишу.

— Зачитъ, въ сторону Талія и Мельпомены окончательно повернули? Что-жъ, и это хорошо. Теперь сцена въ модѣ. Всѣ пишутъ для театра: Максимъ Горькій, Чеховъ, Потапенко... Можно сказать, это—исключительное слово литературнаго шика. Беллетристическое произведеніе, написанное въ формѣ драмы или комедіи и разыгранное особыми актерами-чтоцами, которые, передъ тѣмъ, какъ выступить на подмосткахъ, исколесить полъ Россіи, дабы найти соответствующій типъ пропойцы или интеллигента-неудачника и войти въ „настроеніе“. Въ строгомъ смыслѣ игры не требуется, какъ не требуется отъ новѣйшаго драматическаго произведенія и дѣйствія,—все, что пахнетъ рутинною, шаблонною, отброшеною... Центръ тяжести—настроеніе, въ немъ одномъ вся суть.

— Представьте, и театръ меня не блаженитъ.

— Однако, вы-же ставили пьесы?

— Ставилъ.—и даже перевода на нѣмецкій языкъ удостоился. А теперь не хочу. Basta.

— Что такъ?

— Пора за умъ взяться и подумать о старости. Полюбуйтесь...

Маститый беллетристъ обнажилъ голову и продемонстрировалъ передо мною большую, почти янтарную лысину, имѣвшую видъ полного мѣсяца.

— Согласитесь,—продолжалъ онъ, видимо довольный достигнутымъ впечатлѣніемъ,—что передъ вами далеко не юноша. Между тѣмъ, помра я сегодня—ничего, кромѣ чувствозаванныхъ некрологовъ отъ меня не останется. Семья моей придется по міру пойти. Перспектива, батенька, не изъ веселыхъ.

— Какіе же образомъ вы думаете застраховать старость? „Всѣмъ живущимъ“

День за день.

„Листъ лиамъ дождя, несуетъ тучи...“

Настоящая сентябрьская погода.

Однако, не на всѣхъ она наводитъ

тоску.

умирать, такъ въ ланъ жребіи". Это еще Гамлетъ сказалъ. А всѣмъ литераторамъ—умирать въ гордой бѣдности,—такое также ихъ жребіи...

— Хочу за учебникъ взяться,—торжественно объявилъ романистъ.

— Проще говоря, снова съѣсть за указку?—не понялъ я его.

— Нѣтъ, за составленіе учебника... Вотъ рядъ литературы, который давно возбуждаетъ во мнѣ зависть. Счастливые составители! Они представляются мнѣ маленькими Христофорами Колумбами, открывающими Америку... Откройте себѣ каждый изъ нихъ Америку—и пользуйтесь всѣми плодами своей дѣятельности. Учебникъ это то же, что пустырь, въ которомъ найдено золото. Разъ добился того, что твой учебникъ принятъ—карьера сдѣлана, старости бояться нечего... Стереотипныя странички всегда выручаютъ. Знай себѣ печатай съ готовыхъ досокъ новыя и новыя тысячи, мѣня лишь годъ, и ни о чемъ не думай.

Приведеть-ли романистъ въ исполненіе свою мысль,—не знаю, но, дѣйствительно, учебникъ—истинный кладъ.

Отъ всего обыватель можетъ отказаться: отъ кресла въ театрѣ, отъ выписки журналовъ и газетъ, отъ новой шубы,—только составителю учебника онъ обязанъ своевременно внести причитающуюся съ него дань, сообразно количеству дѣтей, составляющихъ его гордость и предметъ неустанныхъ заботъ.

Какъ наступило учебное время, такъ и плати.

У кого всего одинъ или двое ребятъ, тому приходится еще сравнительно легко. Рублей пятнадцать выбросить человѣкъ на учебныя пособія—и обуза съ плечъ снята.

Зато, кого Господь благословилъ многочисленнымъ потомствомъ...

Такому счастливцу въ осеннее время есть надъ чѣмъ пофилософствовать.

Что ни день, то потомство приходитъ къ нему изъ класса съ напоминаніемъ:

— Папа, дай-ка полтора рубля.

— На что они тебѣ, милый?

— Книжки и тетради купить надо.

— А вѣдь, помнится, я тебѣ все уже купилъ.

— Нѣтъ, не все. Учитель сказалъ...

— Слѣдуетъ перечень предметовъ, отмѣченныхъ учителемъ.

Сюда входитъ грамматика, изданіе восемнадцатое, географія—изданіе сорокъ третье, и исторія—изданіе девяносто девятое, а затѣмъ два десятка тетрадей и атласъ.

Вопросъ объ учебныхъ пособіяхъ поднимался въ печати уже не разъ, но пока ни къ какимъ ощутительнымъ результатамъ не привелъ.

Онъ еще ждетъ своего разрѣшенія.

Пока же составители ихъ и продавцы пользуются благоприятнымъ моментомъ и за тощую книженку неряшливо напечатанную на сѣрой, гнилой бумагѣ, берутъ съ потребителя цѣлковый и больше.

Полное собраніе сочиненій русскаго классика стоитъ подчасъ дешевле, чѣмъ "физика" Краевича или "Русская исторія" Елпатьевского.

Обыкновенно, чѣмъ больше распространено изданіе, тѣмъ оно дешевле. Здѣсь же наблюдается явленіе диаметрально-противуположное. Цѣна учебника возрастаетъ параллельно со спросомъ на него со стороны публики.

Былъ на первомъ представленіи "Дмитрія Самозванца" въ Народномъ домѣ.

Обстановка—прямо таки безподобная.

Декорации, костюмы, бутафорскія принадлежности—все это своего рода шедевры и доказываетъ, съ какой любовью распорядители театра относятся къ своей задачѣ.

Когда смотришь на сцену, то положительно забываешь, что находишься въ театрѣ для народа.

Такъ и кажется, что поваля въ храмъ Таин и Мельпомены, воздвигнутый богатымъ любителемъ театра, меценатомъ, не жалѣющимъ никакихъ средствъ для достиженія возможно полной иллюзіи.

Пожалуй, такая роскошь излишня.

"Пускай меня объявятъ старовѣромъ", но я позволю себѣ высказать мысль до конца и замѣчу, что не въ мѣру роскошная обстановка сильно отражается на другой сторонѣ дѣла, на исполненіи.

Прилагая всѣ старанія къ тому, чтобы зритель былъ ошеломленъ декоративной стороной и движеніями народныхъ массъ, режиссеръ, въ силу естественнаго хода вещей, не въ состояніи удѣлить достодолжное вниманіе игръ, которая, что бы тамъ ни говорили, остается душою татра.

Выходить такъ, что игра актеровъ является лишь поводомъ къ тому, чтобы дать возможность декоратору и бутафору щегольнуть своими дарованіями.

Что изъ этого выходитъ,—ясно и безъ поясненій.

Доказательство на лицо.

"Дмитрій Самозванецъ" Островскаго превращаетъ въ блестящую феерію, которая смотрится ради обстановки, но не благодаря игръ.

Дѣйствіе развивается слабо. На сценѣ не настоящіе артисты, которыхъ поднимаетъ и захватываетъ роль, а манекены въ роскошныхъ костюмахъ...

Лично я предпочелъ-бы, чтобы было наоборотъ.

Блестящая обстановка не мѣшаетъ. Масло въ камнѣ не испортишь. Но пусть она, по крайней мѣрѣ, идетъ рука объ руку съ исполненіемъ.

Пчела.